

Глава 12

Не только Ли Шэн получил новую сбрую. Все воины, участвовавшие в походе против Сюэ Жэньгао, были щедро вознаграждены. Двор жаловал им чины и сокровища в соответствии с их заслугами, и сам Ли Шиминь не скупился на награды, чтобы укрепить преданность своих людей.

В найденной позднее «Эпитафии Чжан Шигуя» говорится, что за заслуги в походе против Сюэ Жэньгао Ли Шиминь «пожаловал ему восемьдесят рабов и рабынь, более тысячи кусков шёлка и сто тридцать слитков золота».

«Са» означает «тридцать», а «тин» — это древняя единица измерения для предметов продолговатой формы. «Сто тридцать тин золота» — сто тридцать больших золотых слитков!

Один этот факт говорит о том, что Эр Фэн был весьма недурным лидером. Он никогда не жалел денег для своих людей!

Вся резиденция Цинь-вана ликовала. Ли Шэн заметил, что даже молодой слуга, который менял ему воду и насыпал корм, стал двигаться гораздо проворнее.

Однако Ли Шэн уже несколько дней не видел госпожу Чансунь. Из разговоров он узнал, что она была в положении.

Он открыл Систему, чтобы свериться с хронологией, и понял, что этот ребёнок, скорее всего, — Ли Чэнцян, первенец Эр Фэна.

Ли Шиминь тоже был очень счастлив. Он даже пришёл угостить Ли Шэна сахарным сиропом и, глядя, как тот ест, стал сетовать, что из-за постоянных дел не может проводить больше времени с госпожой Чансунь. Вот и сейчас ему скоро предстоит отправиться во дворец Чанчунь, чтобы возглавить оборону Хэдуна, и он не знал, успеет ли вернуться к рождению сына.

Дворец Чанчунь получил своё название за живописные виды, но его истинная значимость заключалась в стратегическом расположении.

Во времена династии Тан существовало четыре типа временных дворцов: для летнего отдыха, для лечения на горячих источниках, для обороны границ и для остановок во время путешествий между двумя столицами. Дворец Чанчунь относился к оборонительным.

Учёный эпохи Кайюань, Лян Ця, в своей «Оде о созерцании дворца Чанчунь в ясную погоду» писал, что он «держит в узде проходы между Цинь и Цзинь, опираясь на горы и реки», и «стоит напротив могучих гор Хуашань, охраняя важнейшие перевалы». Его стратегическое положение было очевидным.

Дворец Чанчунь находился в области Тунчжоу, всего в трёхстах ли от Чанъаня, и, по сути, был воротами в столичный регион Гуаньчжун. С другой стороны, он служил передовым плацдармом для завоевания земель на востоке.

После того как Ли Ми сдался династии Тан, многие его бывшие соратники последовали примеру господина, в том числе и знаменитый впоследствии Ли Шицзи.

Его настоящее имя было Сюй Шицзи, и он был одним из вождей Ваганской армии. Позже он перешёл на сторону Ли Юаня и стал одним из самых выдающихся полководцев и сановников при императорах Гаоцзу и Тайцзуне. Во времена Гаоцзуна и императрицы У Цзэтянь он даже занимал пост канцлера, проявив себя как умный и дальновидный политик.

«Его прежние владения простирались на востоке до моря, на юге до реки Янцзы, на западе до Жучжоу и на севере до Вэйцзюня». Территория, которую контролировал Сюй Шицзи, была огромна. После сдачи Ли Ми он составил списки всех областей, уездов, земель, а также численности населения и войск, и велел посланнику передать их своему бывшему господину.

Ли Юань был этим недоволен, но Сюй Шицзи заявил:

— Это всё принадлежит Вэй-гуну, я не могу присвоить заслуги прежнего господина.

Тогда император, восхищённый его прямоотой и преданностью, даровал ему свою фамилию — Ли, — и пожаловал титулами управляющего Лияна, высшего столпа государства и Лай-гогуна.

Когда Ли Ми был убит, Сюй Шицзи вновь обратился с докладом, прося разрешения похоронить его. Он провёл все обряды в соответствии с нормами отношений между правителем и подданным, за что «весь двор и народ сочли его человеком чести».

Даже Ли Шиминь был о нём высокого мнения. В годы эры Чжэньгуань он сказал Ли Шицзи:

— Вы не предали Ли Ми, так неужели вы предадите меня?

Таких, как Ли Шицзи, последовавших за Ли Ми и сдавшихся династии Тан, было немало. Поэтому восточные земли требовали особого внимания и планирования. Отправка Ли Шиминя во дворец Чанчунь преследовала именно эту цель.

В тот день Ли Шэн, жуя корм, искоса поглядывал на Цинь-вана. Ему казалось, что... тот плакал? Глаза у него были совсем красные.

— Он действительно плакал, — неожиданно раздался механический голос, заставив Ли Шэна подпрыгнуть от неожиданности.

— Носителю не стоит беспокоиться. Данные о битве с Западной Цинь принесли много очков, и теперь у меня достаточно прав для голосового общения. — Голос Системы оставался ровным и бесстрастным.

— Не мог бы ты сначала предупредить, а не орать внезапно! — мысленно возмутился конь. — Хочешь до смерти меня напугать, чтобы найти нового владельца? Что, уже присмотрел себе другую лошадку?!

Ли Шэн как раз ел и от неожиданности поперхнулся, начав безудержно икать. Чувствуя себя униженным, он сорвал злость на Системе.

Та, выслушав тираду, замолчала и просто вывела на экран нужную информацию.

В «Цэфу юаньгуй» записано, что Ли Юань очень скучал по сыну после того, как приказал ему отправиться во дворец Чанчунь.

В тексте говорилось:

«Цинь-ван с юных лет всегда сопровождал Гаоцзу. После начала восстания, даже командуя войсками в походах, он всегда возвращался по завершении дел и никогда надолго не разлучался с отцом. Теперь же, отправляясь на службу, он не мог сдерживать слёз. Гаоцзу увещевал его: "В семье мы отец и сын, но на службе — правитель и подданный. Разве я хочу разлуки? Но это нужно для спокойствия Поднебесной. Раз уж ты так предан семье и государству, ты должен приложить все усилия"».

Иными словами, Ли Шиминь с детства был привязан к родителю, и даже во время походов всегда возвращался. А теперь, отправляясь надолго, он не мог сдерживать тоски.

И Ли Юань утешал его:

— Сынок, я тоже по тебе скучаю, но это ради нашей семьи Ли и всей Поднебесной. Я знаю, что ты стремишься служить стране, так что старайся ещё больше!

Ли Шэн был уверен, что Эр Фэн отчасти играл на публику. Ведь он удалялся от центра власти, и теперь поддерживать близкие отношения с отцом ему будет сложнее, чем старшему брату.

Однако история подтверждает, что Ли Шиминь действительно был человеком эмоциональным. Когда Ли Юань поднял восстание, у города Хои суйский генерал Сун Лаошэн с двадцатитысячным войском держал оборону. Танская армия долго не могла взять город, к тому же начались проливные дожди. Ли Юань и Пэй Цзи уже подумывали вернуться в Тайюань.

Но Ли Шиминь был против. Он считал, что нужно сначала занять Сяньян и оттуда править Поднебесной. Их дело только начиналось, и если при первой же трудности отступить, кто за

ними пойдёт? Все разбегутся. Он настаивал на продолжении осады.

Но «Гаоцзу не послушал и приказал готовиться к отступлению».

Как же поступил будущий император в этой ситуации?

«Тогда Тайцзун стал рыдать снаружи, и его голос был слышен в шатре». Он громко разрыдался у входа в шатёр Ли Юаня.

Да, это было в его духе, и этот случай даже записан в «Старой книге Тан».

«Эх, Эр Фэн — человек с тонкой душевной организацией».

Ли Шэн никогда не видел его слёз, и ему стало любопытно.

Цинь-ван же чувствовал, что с его конём сегодня что-то не так. Он пришёл покормить его, а Салучзы сначала украдкой поглядывал на него, потом вдруг поперхнулся и начал икать, а когда успокоился, стал пристально разглядывать его лицо.

«Может, у меня что-то на лице? Вроде бы нет, я приводил себя в порядок перед встречей с отцом».

Ли Шэн, жуя, обратился к Системе:

«Слушай, а если записать, как Эр Фэн плачет, много очков дадут?»

Он коварно подумал: если его вдруг ранят, может, Цинь-ван и всплакнёт?

Голос Системы прозвучал холодно и официально:

— Вряд ли. Мы изучаем исторические события, личность исполнителя не важна. Слёзы Ли Шиминя для нас имеют ту же ценность, что и слёзы простого солдата. Очков за это дадут, возможно, даже меньше, чем за агатовую накладку на твоей уздечке.

«Ну ладно». Ли Шэн с сожалением отвёл взгляд от покрасневших век Ли Шиминя. «Слёзы Тайцзуна — такая редкость! Если бы это запечатлели на картине, в наше время её бы показывали в передачах о национальных сокровищах. А для Системы это не имеет никакой значимости. Какая жаль».